

**ВЛАДЛЕН
ИЗМОЗИК**

**ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ**

ПТЕНЦЫ ГНЕЗДА БЕНКЕНДОРФОВА

**ИСТОРИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
РОЗЫСКА
В РОССИИ**

**В XIX –
НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ**

«В условиях ожидавшегося французского нападения любопытство Александра I взяло верх даже над приличиями: император не просто пользовался данными разведки, но и сам стал участником оперативной разработки».

Искусство разведки

Александр Колпакиди

**Птенцы гнезда Бенкендорфова.
История политического розыска
в России в XIX – начале XX веков**

«Алисторус»

2026

УДК 351.746.1
ББК 63.3(2)52/53

Колпакиди А. И.

Птенцы гнезда Бенкендорфова. История политического розыска в России в XIX – начале XX веков / А. И. Колпакиди — «Алисторус», 2026 — (Искусство разведки)

ISBN 978-5-00269-340-5

Восстание декабристов всколыхнуло Российскую Империю. В ходе следствия перед только что восшедшим на престол 30-летним Николаем I вскрывалась картина совершенно неизвестной доселе России — страны, опутанной паутиной заговоров и тайных обществ. Ответ государства не заставил себя ждать, и в июле 1826 года был создан принципиально новый орган политического сыска — III отделение Собственной Его Величества Канцелярии во главе с графом Бенкендорфом. Год спустя система органов государственной безопасности была дополнена корпусом жандармов. Эта книга является фундаментальным изложением истории российских спецслужб в период «длинного XIX века» — от наполеоновского нашествия до падения Империи в 1917 году. Здесь подробно и беспристрастно рассмотрены причины и процесс их формирования, организационные формы, деятельность по отражению внутренних и внешних угроз, социальный и политический портрет сотрудников. Исследования ведущих современных авторов дополнены взглядом изнутри — воспоминаниями самих жандармских офицеров. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 351.746.1
ББК 63.3(2)52/53

ISBN 978-5-00269-340-5

© Колпакиди А. И., 2026

© Алисторус, 2026

Содержание

I. Исторические очерки	7
Федор Севастьянов. Развитие «высшей полиции» при Александре I	7
Законность и молодой император	7
Наследство Павла I	9
Министерская реформа и высшая полиция	12
Противоборствуя с Наполеоном	14
По пути межведомственной координации	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Коллектив авторов
Птенцы гнезда Бенкендорфова.
История политического розыска
в России в XIX – начале XX веков

© Измозик В. С., 2026

© Колпакиди А. И., 2026

© Перегудова З. И., 2026

© Севастьянов Ф. Л., 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

I. Исторические очерки

Федор Севастьянов. Развитие «высшей полиции» при Александре I

Законность и молодой император

«Дней alexaндровых прекрасное начало» – эти пушкинские слова прочно вошли как в историческую литературу, так и в сознание каждого человека, став чем-то вроде своеобразного исторического штампа, емко и четко определившего самую суть первых лет XIX столетия. 12 марта 1801 года было встречено в Петербурге как праздник: люди поздравляли друг друга, целовались «как в день Воскресения Христова», не стовариваясь нарушали все запреты покойного императора: выходили на улицу в одежде, недозволенного Павлом I фасона, выезжали в запрещенных экипажах, давали волю языку, не боясь произносить исключенные Павлом I из русской речи слова, подолгу вечером не гасили свет в домах. Рассказывали даже, что по одному из петербургских тротуаров в то утро скакал гусар, считая на скаку прохожих с криками: «Ура! Теперь все можно!» Здесь необходимо заметить, что специальным повелением Павла I было запрещено скакать по тротуарам. Эйфория вседозволенности витала в воздухе: наступило новое царствование, и молодой император Александр I, воспитанник республиканца Лагарпа, уже обещал, что при нем все будет «как при бабушке». Правда, он имел в виду не широкие возможности для казнокрадства и дворянского тунеядства, распространенных в последние годы царствования Екатерины II, а совсем другое – атмосферу уверенности общества в том, что павловский деспотизм не повторится, и верховная власть будет, хотя бы в общих чертах, действовать по изданным ею же самым законам. Еще дореволюционные историки отмечали, что в первые годы царствования «принцип, в силу которого он (Александр I. – Ф. С.) хотел и старался действовать, был принцип законности». А сочетание законности с деятельностью служб политического розыска всегда было «узким местом» для всех правительств, в том числе – русского самодержавного. Первая четверть XIX века – это время, когда повсеместно в Европе, в том числе и в сознании многих деятелей, принадлежавших к русской правящей элите, утверждалось новое понимание идеи законности.

Для Павла I воплощением законности была его воля – воля самодержавного монарха. Хорошо известен описанный еще Н. К. Шильдером случай, когда, в ответ на упоминание о законе раздраженный император ударил себя в грудь, воскликнув: «Здесь ваш закон!». «Романтический император» таким образом не просто хотел указать на то, что все русские законы персонифицированы в его священной монаршей особе. Государство представлялось Павлу I вполне в духе средневековых традиций: как большая семья, строгим, но справедливым главой которой он себя мнил. И в этом свете Павлу I было очевидно, что веление сердца отца-императора во сто крат важнее каких-то формальных юридических норм, ибо оно подсказывает самое «человеческое» отношение к его детям-подданным. На практике такая, вызванная из средневекового небытия, идея законности обернулась мелочным полицейским регламентированием всех сторон жизни русских подданных, прежде всего – столичных жителей. Александр I и его соратники понимали законность уже по-другому: примерно так, как сегодня это понятие определяется в политологии. В современной политической науке «законность» означает право данного правительства на управление государством, которое воспринято таковым в умах и представлениях граждан этого государства. Такое понимание законности не лишено основа-

ний: история знает немало примеров, когда именно падение авторитета власти приводило к свержению правящего режима. История свержения отца Александра I – Павла I тоже подтверждает справедливость такого толкования понятия законности. И именно о таком понимании законности свидетельствуют и действия, предпринятые Александром I в самом начале своего царствования. Часто говорят, что основной их смысл выражают три слова: «отменить», «простить», «возвратить». Эго не совсем верно. Новый император не просто отменял и прощал – он руководствовался как буквой закона, которая изрядно натерпелась от Павла I, так и духом: то есть пытался добиться безусловного общественно признания своего права на управление Российской империей.

Уже 13 марта, на следующий день после вступления на престол, Александр распорядился выдать указы об отставке чиновникам, выключенным из военной службы. 15 марта действие этого указа распространилось и на гражданских чиновников. Этими указами устранялись последствия одного из самых тяжелых павловских беззаконий – знаменитой «выключки». Это исключение из службы не считалось отставкой, не давало преимуществ отставки и по самой сути своей было незаконно. Теперь все «выключенные» приравнивались к отставленным: император возвращал дело на законные основания. Следованием букве закона объяснялись почти все меры правительства в те годы: от восстановления екатерининских учреждений до объявления монарших милостей. «В течение времени, – говорилось, например, в указе о восстановлении Жалованной грамоты городам, по соображениям обстоятельств, сие государственное постановление во многих частях его изменилось и в силе своей ослабло». Ослабло, но законно отменено не было! Такой же характер носил и указ 15 марта 1801 года, гласящий: «Хотя (при Павле I. – Ф.С.) городская полиция в Санкт-Петербурге была поручена в ведение гражданского губернатора, но ныне мы повелеваем быть ей на точном основании Устава столичного города Санкт-Петербурга». А 19 марта через санкт-петербургского генерал-губернатора П. А. Палена еще раз было обращено внимание полицейских чинов, чтобы они «во всяком встретившемся случае действовали **по предписанным каждому правилам** (курсив наш. – Ф.С.)». Нежелание Александра I показаться в обществе нарушителем закона, очевидно, было так велико, что даже всемилостивейший манифест, облегчавший участь узников Тайной экспедиции, содержал формулировку: «Не ослабляя общей силы закона, восхотели мы на сей раз облегчить действие его».

Известно, что Павел I, как, наверное, никакой другой русский император, вносил произвольные правки в судебные приговоры при их утверждении, исходя из собственных представлений о нравственности и законе. Поэтому и попытка Александра I разобраться с этими произвольными приговорами тоже была предпринята под флагом законности. 15 сентября 1801 года (в день коронации) царь учредил специальную Комиссию для пересмотра прежних уголовных дел. Согласно указу, Комиссии надлежало разыскивать таких осужденных, «коих вины не умышленны, и более относятся ко времени и образу мыслей того времени, нежели к делам бесчестным и действительно государству вред наносящим». Вскоре компетенция комиссии была конкретизирована: в указе Александра I говорилось: «Нахожу, что обязанность ее [Комиссии] простирается на людей всякого рода и звания, а по сему и дела сужденных по военной части должны войти в ее рассмотрение», одновременно в состав Комиссии вводился генерал-аудитор князь С. И. Салагов. Этим решением Александр I вновь продемонстрировал свою приверженность идее законности, как бы давая понять, что закон один для всех, как, в прочем, и беззаконие. Вместе с тем, интересной чертой Комиссии является тот факт, что в силу данного ей наставления, она могла лишь ходатайствовать перед императором о смягчении участи осужденных, понесших более строгое наказание, чем было положено по закону. Это делало невозможным сосредоточение деятельности Комиссии именно на упорядочивании приговоров, приведении их в полное соответствие с законом: ведь Павел I по своему произволу не только отягчал, но и смягчал наказание. Среди решений, выносившихся Комиссией по раз-

личным делам, встречаются, например, такие: «Вместо следующего ему по законам большего наказания, послан на поселение без лишения его чинов и дворянства, следовательно, за силою данного Комиссии наставления, по облегчению участи его... ничего положить не может». Восстановлением законности мотивировалась и отмена пытки, также последовавшая в сентябре 1801 года. Сделать этот шаг побудил Александра один дошедший до него случай из судебной практики. В указе говорилось: «Взят был по подозрению в зажигательстве один ... гражданин под стражу, был допрошен и не признался; но пытками и мучениями исторгнуто у него признание, и он предан суду». Он был осужден и казнен хотя неопровержимых доказательств его вины найдено не было. Это происшествие характеризовалось как «жестокость толико вопиющая, злоупотребление власти столь притеснительное и *нарушение законов* (курсив наш. – Ф. С.) в предмете толико существенном и важном». Но о каком-то совершенно невиданном беззаконии здесь говорить не приходится: ни для кого не было секретом, что получение признания под пыткой было явлением вполне обычным. Но Александр I, очевидно, просто интуитивно чувствовал то, что сказал бы ему сегодня советник-политолог: отмена пытки, безусловно, увеличивала законность его правления. Таким образом, в первые дни нового царствования ликвидация наследия павловского деспотизма имела в качестве идеологической основы в значительной степени именно принцип законности, которым оправдывали предпринимавшиеся изменения. И принцип этот понимался не просто как следование букве закона, а как такие действия власти, которые повышают ее престиж в глазах общества, а значит порождают признание со стороны этого общества права управлять им.

Наследство Павла I

В этой связи важнейшим вопросом для Александра I стал вопрос об организации политического розыска или, как тогда говорили, – «высшей, или государственной полиции». Интересно, что и сам принцип законности был окончательно сформулирован в манифесте 2 апреля 1801 года об упразднении Тайной экспедиции. Стиль этого манифеста – торжественный, даже напыщенный – оказался чрезвычайно характерен для всех последующих документов, провозглашавших реформы органов политического розыска. Существование Тайной экспедиции, конечно же, объяснялось в указе особенностями времени: «Нравы века и особенные обстоятельства времен протекших побудили Государей Предков наших между прочими временными постановлениями учредить Тайную розыскных дел Канцелярию». Далее выражалось сожаление, что «судилище сие, установленному в России образу Правления несвойственное» существовало так долго, и что при Екатерине II лишь «имя сей канцелярии было уже в положениях закона изглажено, между тем однако же по уважению обстоятельств признано было нужным продолжить ее действие под названием Тайной Экспедиции». Заканчивался манифест эффектно и многообещающе: «Мы признали за благо не только название, но и самое действие Тайной экспедиции навсегда упразднить и уничтожить ... рассуждая, что в благоустроенном государстве все преступления должны быть объемлемы, судимы и наказуемы общею силою закона». В этой формулировке, конечно, отразились либеральные убеждения Александра I, в свете которых, сам факт существования особого органа высшей полиции, особо охранявшего безопасность государя и государства, казался императору чем-то совершенно ненормальным. Не случайно в исторической литературе отмечено, что характерной чертой организации политического розыска в александровскую эпоху была секретность создававшихся учреждений – правительство как бы стеснялось того, что государственные преступления «общая сила закона» никак не объемлет.

Правда, Александру и его «молодым друзьям» некоторое время, очевидно, все-таки казалось, что задачу обеспечения государственной безопасности можно решать, основываясь лишь на «общей силе закона». Поэтому остававшиеся нерешенными дела Тайной экспедиции были

переданы для решения в 1-й и 5-й департаменты Сената, а затем, уже окончательно на общих основаниях, – в 3-й и 4-й. Таким образом Россия на несколько лет осталась без общеимперского органа политического розыска. Но долго так продолжаться не могло: обеспечение своей безопасности является насущной задачей любого государства. Нашему современнику, конечно, трудно судить, в чем, по мнению Александра I, заключалось «самое действие» Тайной экспедиции, но, кажется, молодой император лукавил, декларируя его полное и немедленное уничтожение. Еще при Павле I, 6 ноября 1800 года, была учреждена Тайная полицейская экспедиция при петербургском военном губернаторе (не путать с уже упоминавшейся Тайной экспедицией при Сенате. – Ф. С.). Она не только не была упразднена в рамках своеобразной «кампании по борьбе с павловскими беззакониями», описанной выше, но и продолжала действовать, оставаясь *terra incognita* даже для большинства высших сановников империи. Это обнаружилось вскоре, когда в 1802 году Россия вступила в полосу знаменитых alexandrovs-ских реформ, обычно связываемых с именем М. М. Сперанского.

8 сентября 1802 года был обнародован разработанный Сперанским Манифест об учреждении министерств, а уже через неделю, 15 сентября назначенный министром внутренних дел один из «молодых друзей» императора Александра В. П. Кочубей направил секретное отношение санкт-петербургскому военному губернатору графу М. Ф. Каменскому «в дополнение к открытому отношению, каковое по должности министра внутренних дел относительно состояния полиции в здешней Столице» уже было сделано. В этом дополнительном секретном отношении министр писал: «Зная, что сверх полиции на общих правилах действующей, существует здесь особенная часть, под именем тайной полиции известная, я считаю обязанностью моею иметь сведения» о деятельности этой тайной структуры. Круг вопросов, интересовавших В. П. Кочубея, свидетельствует о том, что работа Тайной полицейской экспедиции при генерал-губернаторе столицы была окутана полной тайной. Министр внутренних дел интересовался «кто именно суть чиновники..., каких наций и чинов», которые служат в экспедиции, «существует ли какая-нибудь инструкция, начальнику ея данная», «над какими наипаче людьми и в каких особенно местах имеет наблюдение» эта тайная служба, какие сведения прежде всего должны добываться и «какими средствами и путями ... достигают сих сведений», «какие замечательные открытия на протяжении двух лет (деятельности Тайной полицейской экспедиции. – Ф. С.) были... сделаны, обличены и доказаны», «сколько и какие именно люди и по каким причинам ныне состоят... на особенном содержании» тайной полицейской экспедиции. Большой интерес проявил Кочубей и к финансовой стороне деятельности столичной тайной полиции. Здесь министр был тоже малоосведомлен: он не знал ни о размерах жалования отдельных чиновников экспедиции, ни о том «какая сумма назначена вообще на действие сей части».

Ответ графа Каменского на секретное отношение В. П. Кочубея не отличался подробностью. Особенно напирал граф на тот факт, что учреждена была столичная тайная полиция еще до его вступления в должность военного губернатора. По сему Каменский ограничился лишь пересылкой новоназначенному министру нескольких бумаг, составленных надворным советником И. С. Гагельстромом, «определенным к управлению в Петербурге тайной полицией». В их числе – ценнейший документ: составленное самим Гагельстромом и утвержденное Павлом I «Учреждение Тайной полицейской экспедиции». В «Учреждении» Гагельстром так определял задачи замысленной им тайной службы: «Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, деяния и речи, клонящиеся к разрушению Самодержавной Власти и безопасности Правления. Как-то: словесные или письменные возмущения, заговоры, дерзкие или возжигательные речи, измены, тайные скопища... Одним словом Тайная полицейская экспедиция обнимает все предметы, относящиеся к здравью Государя, его Императорской Фамилии, к безопасности его Самодержавия и продовольствию дешевому жителей оного и к безопасности управления и управляемых». Далее в пятнадцати статьях эти положения конкретизи-

ровались. Говорилось, что Тайная полицейская экспедиция «старается иметь точные и беспрерывные сведения о мнениях и суждениях народных», «надзирает за всеми должностями: как они себя ведут в звании своем», «ведает о всех приезжих иностранных людях», «открывает тщательно подделывателей фальшивой монеты, ложных пашпортов и тому подобного», «открывает перекупателей съестных и жизненных припасов», а кроме того борется с контрабандой, скупкой краденого и даже собственно кражами. Таким образом, в круг обязанностей этой структуры входили и борьба с коррупцией, и контрразведка, и даже просто уголовные преступления, неизвестно по какому критерию отбираемые для Экспедиции. Вообще же Гагельстром попытался выставить Тайную полицейскую экспедицию едва ли не главной защитницей всех обездоленных и несправедливо претерпевших обиду, что, конечно, должно было импонировать Павлу I. Тайная полицейская экспедиция была теснейшим образом связана с петербургским военным губернатором. Ее начальник назначался императором по совету «хозяина столицы», а все остальные сотрудники губернатором непосредственно. Более того, все добытые экспедицией сведения передавались не императору, а «своему начальнику – военному губернатору, для донесения государю». Если учесть, что военным губернатором в Санкт-Петербурге был тогда небезызвестный граф Пален – вдохновитель дворцового переворота 11 марта 1801 года, – можно только догадываться: какие сведения и в каком виде получал от него Павел I. Экспедиция была не только органом политического розыска и контроля. Она добывала сведения и из области внешней политики. Проще говоря, шпионаж был одной из задач этой тайной структуры. «Учреждение Тайной полицейской экспедиции» предоставляло ее управляющему право «иметь безвозбранно вход в дома иностранных министров (то есть, в данном случае – дипломатических представителей. – Ф.С.)», в структуре расходов экспедиции предусматривались «пенсии швейцарам у иностранных министров и другие непредвиденные расходы». Начальника экспедиции, упомянутого Гагельстрема, Павел I предписал «награждать... тем, что он потребует, ест либ скрал цыфры у какова иностраннова министра» (то есть завладел шифрованной перепиской или самим шифром). Все это стало известно лишь в ходе принятия дел вновь назначенным министром внутренних дел В. П. Кочубеем.

В ходе министерской реформы была изменена и юрисдикция Тайной полицейской экспедиции. Как явствует из сохранившейся финансовой переписки по делам экспедиции, это тайное ведомство было передано в ведение санкт-петербургского обер-полицмейстера Ф. Ф. Эртеля: именно он отчитывался перед министром внутренних дел В. П. Кочубеем в расходе средств, отпускаемых на ее содержание. При отчете за 1802 год, Эртель особо отмечал, что траты в январе, феврале и марте производились «в бытие (в должности начальника Тайной полицейской экспедиции. – Ф. С.) надворного советника Гагельштрома». Но учитывая, что в сентябре 1802 года столичный военный губернатор граф Каменский говорил о Гагельстреме как о действующем шефе тайной полиции в Петербурге, а первый финансовый документ за подписью Эртеля датирован октябрём того же года, можно сделать вывод, что именно вступление в должность министра внутренних дел В. П. Кочубея стало для Гагельстрема роковым: он был заменен столичным обер-полицмейстером, а сама руководимая им структура попала в подчинение МВД. 26 октября 1802 года Александр I отдал распоряжение министру финансов Д. А. Гурьеву: «Сумму, отпускаемую на содержание секретной экспедиции, при санкт-петербургском военном губернаторе учрежденной, по тысяче рублей на месяц, которые конфирмациею на докладе Вашем от 12-го сентября велено было отпускать фельдмаршалу графу Каменскому, повелеваю впредь выдавать министру внутренних дел графу Кочубею по его запискам». Объем финансирования тайной полиции был сохранен в прежнем объеме – по тысяче рублей в месяц, при том, что штат экспедиции состоял всего из нескольких человек. Однако порядок их выдачи был весьма запутанным. Каждый месяц Эртель направлял отношение к Кочубею с просьбой о выдаче денег на очередной месяц. Тот, в свою очередь, требовал эти деньги у министра финансов Гурьева. В марте 1803 года Ф. Ф. Эртель предложил: «Для пресечения

лишних переписок ... не благоугодно будет приказать, так как уже на оное (тайное полицейское дело – Ф.С.) сумма ассигнована в год 12000, единожды завсегда их в один раз получать, а по окончании валовой счет вашему сиятельству доставить». Однако такой порядок финансирования одобрен не был, очевидно, во избежание бесконтрольного расходования средств. В финансовой переписке сохранился и один из отчетов Эртеля по сверхштатным расходам. Этот любопытнейший документ – своего рода «палитра» деятельности Тайной полицейской экспедиции. Там фигурируют вознаграждения «за открытие фальшивого сделанного свидетельства на 200 душ», за донесение о намерениях разных «господских людей» выйти незаконными способами из крепостной зависимости, «за открытие фальшивой печати» и даже – ложного банкротства. Все это – безусловно особо опасные преступления, но о расследовании каких-либо преступлений, которые традиционно относятся к ведению служб высшей полиции в отчетах сведений нет. Кроме того, «сданные мне (Эртелю. – Ф. С.) два человека от предшественника моего, не состоящие нигде» получали по 25 рублей в месяц, что также списывалось как экстраординарные расходы.

Другой высшей полицейской структурой, доставшейся веку XIX в наследство от века XVIII, было «Сообщество лон-лакеев» – своеобразное агентурное полицейское подразделение. О времени возникновения Сообщества судить сложно. Эти агенты, сеть которых была создана очевидно еще во второй половине XVIII века по прусскому образцу, в целях лучшего управления были объединены в корпорацию, официально называвшуюся в документах «Сообществом лон-лакеев». Позже, в 1811 году, министр полиции А. Д. Балашов писал о нем: «Учреждение сие без сомнения должно почитать вспомогательным орудием в руках полиции по наблюдению за наезжающими в столицу иностранными посетителями». Более подробную информацию о должностных обязанностях лон-лакея дают сохранившиеся в архивных делах Особой канцелярии министра полиции «Правила для лон-лакеев». Правила представляют собой изданную типографским способом небольшую книжку, являвшуюся одновременно и удостоверением лон-лакея. Согласно первому пункту «Правил», «лон-лакей различается от просто свободных лакеев в том, что он принадлежит к особому сообществу, снабжен особым документом, и что он исключительно у приезжих наниматься право имеет». Правила требовали от лон-лакеев знания географии Петербурга, свободного владения иностранным языком, послушания и учтивости в отношении хозяина и т. п. Вместе с тем, такие лакеи должны были приглядывать за своими приезжими нанимателями, сообщая полиции о любых подозрительных действиях иностранцев. Полицейские власти, в свою очередь, гарантировали, что только члены лон-лакейского сообщества смогут получить работу слуги у иностранного гостя. Использование приезжим самовольно нанятого лакея каралось штрафом в размере двух рублей за каждые сутки использования самозванца. Штрафовался и сам лакей, не принадлежавший к корпорации. То есть надзор за иностранными приезжими не только не был тайной, но даже и обязанности по содержанию соглядатаев возлагались на самих иностранцев. Также, как и Тайная полицейская экспедиция при Санкт-Петербургском военном губернаторе, Сообщество лон-лакеев не только не было упразднено, но, после создания в 1810 году министерства полиции органично вошло в его структуру. В 1811 году сообщество было реформировано. Суть лон-лакейской реформы заключалась, главным образом, в том, чтобы «спустить слух в отелях и в публике, якобы общество лон-лакеев рушилось», ибо тайный надзор будет гораздо эффективнее гласного.

Министерская реформа и высшая полиция

Вообще, предпринятая Александром I в 1802 году министерская реформа не могла не сказаться и на судьбе российского политического розыска и контроля – российской «высшей полиции». По-новому обустраивая все части государственного управления, сам император и

вдохновитель реформ в России начала XIX века – М. М. Сперанский – не могли не думать и об обеспечении безопасности государства. Однако самая мысль об учреждении некоего аналога Тайной экспедиции, видимо, все еще пугала императора Александра, в свете его понимания идеи законности. Поэтому, пока что, никакого специального органа для борьбы с государственными преступлениями не учреждалось. Манифест об учреждении министерств 8 сентября 1802 года был всего лишь началом министерской реформы. Там очерчивались лишь общие контуры будущей исполнительной власти, а потому многое в конкретном устройстве отдельных министерств и полномочиях отдельных министров оставалось весьма неопределенно. Так, очевидно, что, например, министр юстиции, по тому, как замышлялась его должность, должен был иметь касательство к расследованию преступлений против государя и государства, но в манифесте об обязанностях этого сановника было сказано лишь: «Должность министра юстиции особенно определена быть имеет при издании сочиняемого уложения законов». Нет нужды напоминать, что из-за последовавшей перед Отечественной войной опалы М. М. Сперанского, это Уложение так никогда и не было создано.

По замыслу реформы 1802 года полицейская часть, в основном, должна была войти в компетенцию министра внутренних дел. Кроме всевозможных хозяйственных функций, «должность министра внутренних дел, – говорилось в манифесте, – обязывает его пещись о повсеместном благосостоянии народа, спокойствию, тишине и благоустройстве всей империи». Кроме того, министр «должен стараться всеми мерами об отвращении недостатка в жизненных припасах и во всем, что принадлежит к необходимым надобностям в общежитии». Необходимо отметить, что последнюю функцию в то время часто относили к полицейским. Она была свойственна, например, Тайной полицейской экспедиции, о которой речь шла выше. В 1803 году М. М. Сперанский представил Александру I «Записку об устройстве судебных и правительственных учреждений в России». Начитанный советник молодого императора обобщил в этом документе воззрения многих философов-просветителей теоретиков государства и права на устройство различных государственных учреждений, в том числе и полиции. Определив, что «безопасность общественная не что другое есть, как сохранение вещей в том порядке, в каком они поставлены законом», Сперанский логично разделил угрозу этой безопасности на внутреннюю и внешнюю. Исходя из этого он выделил «четыре главных предмета всякого правительства: 1) полиция; 2) суд; 3) войско; 4) внешние сношения». Поставив полицию на первое место среди четырех «главных предметов», Сперанский отметил, что «некоторые разделяют полицию на государственную (высшую) и гражданскую (низшую); первой приписывают соблюдение государственной тишины от тайных замыслов; второй подчиняют маловажные преступления от закона и порядка».

Но сам великий русский реформатор придерживался другой классификации, которую и обосновывал в своей «Записке». Считая, что «есть три разные способа удержать закон в непрерывном его действии»: восстановить после нарушения, пресечь насилие и предупредить возможные преступления, он выделил, соответственно, полицию трех родов. Первая – «полиция исполнительная». Круг ее обязанностей для современного читателя может представиться весьма странным. «Полиция исполнительная», по Сперанскому, должна обнародовать и приводить в исполнение законы, «иметь в распоряжении своем силу понудительную» (какого рода, для чего – не уточняется) и, наконец, «иметь в точном ведении и подчинении себе всех граждан, яко обывателей известного места». Вторая – «полиция смирительная», должна была заниматься тем, чем собственно и занимается сегодня полиция. Отыскивать преступников, «отсылать виновных к суду», возвращать украденное и т. п. Третья же – «полиция предохранительная или благочиния» имела в своем ведении, в соответствии с планом Сперанского, цензуру всех родов, в том числе даже и «пресечение и опровержение вредных правительству слухов и толкований», дороги и другие коммуникации, «гражданскую стражу» (т. е. патрульную службу, охрану правительственных учреждений и тюрем) и «продовольствие и народное

здравие». Последний пункт включал, в частности, «а) сведения о состоянии всякого рода запасов, б) умеренность торговых цен на предметы первой необходимости». Современному читателю этот проект организации полиции может показаться чисто умозрительным. Но это видно лишь нашему современнику с высоты как минимум двухсот – трехсот лет экспериментов в этой области. Сперанский же стоял практически в самом начале этих экспериментов, и его проект, как будет показано ниже, оказал свое влияние на практические преобразования полиции, которые были проведены Александром I в преддверии войн с Наполеоном. Отчасти, видимо, это произошло потому, что М. М. Сперанский был в то время чрезвычайно близок к императору, отчасти – потому, что записка Сперанского являлась изложением общеизвестных идей тогдашних авторитетнейших теоретиков государства и права.

Здесь необходимо заметить также, что в литературе существует расхожее мнение, будто уже на первом этапе министерской реформы в созданное в 1802 году министерство внутренних дел был скрытно «вмонтирован» орган политического сыска – 2-я экспедиция. Но стоит взглянуть на высочайше утвержденный 20 апреля 1806 года доклад министра внутренних дел, посвященный устройству 2-й экспедиции и обобщавший, по замечанию самого министра, почти четырехлетний опыт работы, как это впечатление сразу исчезнет. Среди вопросов, отнесенных к ведению 1-го отделения экспедиции были, конечно, «дела раскольников, переписка по цензуре книг, благочинию зрелищ и публичных собраний», а 2-е отделение целиком посвящало свою деятельность разбору различных жалоб, в том числе и о «насилии и самоуправстве личном» всевозможных чиновников, что можно вне всякого сомнения отнести к функциям высшей полиции. Но все эти функции были сильно «разбавлены» такими, как «дела по приказам общественного призрения», «дела о починке и содержании дорог, мостов и перевозов», «часть строительная» и т. п. Таким образом, 2-я экспедиция МВД хоть и ведала многими задачами высшей полиции, но лишь наряду с другими полицейскими задачами. Создание 2-й экспедиции министерства внутренних дел являло собой характерный пример попытки разбирать и наказывать все преступления на основе «общей силы закона». Тем не менее, многие важные задачи, которые должен был бы решать особый орган «высшей полиции», не попали в сферу деятельности 2-й экспедиции. Например, поимка иностранных агентов и вообще наблюдение за подозрительными иностранцами.

Противоборствуя с Наполеоном

Но несмотря на явные сомнения Александра I в возможности и в законности (принцип, которому он следовал в начале своего царствования) создать в России особую службу высшей полиции, само внешне и внутривнутриполитическое положение Российской империи требовало создать в стране такую службу. Дело медленно, но верно шло к войне с Наполеоном. В обстановке острой франко-русской конфронтации государство должно было получить надежную защиту от шпионов наполеоновской Франции, тем более, что последняя активно вела работу по созданию и совершенствованию собственных полицейских структур. В том числе и тех, которые тогда причислялись к категории «высшей полиции», то есть – службы государственной безопасности. Правда, в начале XIX столетия еще не существовало единственно верного и проверенного временем рецепта создания такой полиции. Отчасти поэтому, а отчасти и потому, что подозрительный Наполеон не хотел доверять полностью одному источнику информации, во Франции, полицейская организация которой стала в скором времени образцовой, имелись четыре независимые друг от друга структуры, ежедневно снабжавшие Наполеона информацией о положении в стране. Эту черту в первой четверти XIX века переняла от Франции и Россия. Сложно указать причину этого. Однако, хорошо известно, что пройденная Александром I в ранней юности школа придворного угождения одновременно отцу и бабке навеки приучила его к двуличию, а его пренебрежительные высказывания о людской порядочности любят цитиро-

вать многочисленные биографы «Северного сфинкса». Таким образом, Александр I сам был, наверное, одним из самых подозрительных монархов современной ему Европы.

Вместе с тем, русский император, видимо, очень опасался активизации вражеских агентов. Уезжая в 1805 году в армию, царь сказал своему генерал-адъютанту графу Е. Ф. Комаровскому: «Я желаю, чтобы учреждена была секретная полиция, которой мы пока еще не имеем и которая необходима в теперешних обстоятельствах. Для составления правил оной назначен будет комитет из кн. [П.В.] Лопухина, (тогда министр юстиции. – Ф. С.) Кочубея (тогда министр внутренних дел. – Ф. С.) и тебя. Как уже отмечалось, единственно верных, проверенных временем рецептов создания такой полиции XIX век еще не знал. Русский опыт Преображенского приказа, Тайной канцелярии и экспедиции не только не казался молодым соратникам Александра наилучшим, но и прямо их отталкивал воспоминаниями о павловском произволе. Поэтому граф Комаровский взялся изучать опыт иноземный с присущими государственным деятелям того времени в подобных вопросах добросовестностью и основательностью. После описанного разговора Е. Ф. Комаровский побывал у „благодетеля своего“ графа Н. П. Румянцева, который сказал ему: „У меня есть много книг касательно сей полиции, и мы вместе, если хочешь, станем делать выписки об образовании оной“. Далее Комаровский пишет: „Мы, действительно, сими выписками несколько времени занимались, комитет сей однако же не состоялся, и мне никогда не была известна сему причина“. Возможно, причина заключалась в том, что еще за несколько дней до описанного разговора Александр I подтвердил посвященную организации высшей полиции записку одного из своих ближайших советников – Н. Н. Новосильцева, которому на протяжении александровского царствования вообще давались особо важные с точки зрения монарха поручения. Прежде всего, в области составления различных проектов новых государственных учреждений. Уже после окончания наполеоновских войн Новосильцев напишет конституцию для присоединенного к России „Царства Польского“, затем подготовит проект и „Государственной Уставной Грамоты Российской империи“. Но, как видим, конституционными проектами законотворческая деятельность Новосильцева не ограничивалась: в 1805–1807 годы он также сыграл особую роль в создании русской политической полиции. Рецепт, предложенный Новосильцевым, примирял либеральные убеждения царя, его опасения создать новое ведомство-монстр, подобное Тайной экспедиции, с объективной необходимостью поставить заслон на пути действий вражеских шпионов.

В высочайше подтвержденной 5 сентября 1805 года записке предполагалось на время отъезда Александра I в действующую армию учреждение принципиально нового органа „высшей полиции“ – межведомственного комитета, который в делопроизводстве называли либо „Комитетом по делам высшей полиции“, либо, по дате создания – „Комитетом 5 сентября 1805 года“. В его состав должны были войти министры военно-сухопутных сил, юстиции и внутренних дел. Нужно заметить, что военный министр С. К. Вязмитинов был тогда и главнокомандующим в столице. Предусматривалось, что „Комитет должен получать немедленно и исправно сведения посредством обер-полицеймейстера: 1-е. о проживающих в Столице подозрительных людях, о коих вовсе неизвестно, каким делом они занимаются. 2 – е. о приезжающих в Столицу из-за границы или из внутри государства таких же подозрительных людях. 3-е. о различных в городе слухах и известиях, опасение и тревогу наводящих. 4-е. о источниках, откуда такие разглашения происходят. 5-е. о скопищах и собраниях подозрительных“. Также, „через сношение с Дирекцией почт Комитет должен получить немедленные и верные сведения о подозрительных переписках“. Как видим, это положение фактически санкционировало запрещенную в России законом перлюстрацию, необходимую, впрочем, по мнению властей, для эффективного политического контроля за населением империи.

Применение чрезвычайных карательных мер не планировалось. Отмечалось, что „буде Комитет усмотрит, что спокойствие общественное встревожено быть может, приемлет разумные меры к восстановлению безопасности“. Например, если бы по Петербургу поползли раз-

ные неблагоприятные для правительства слухи, Комитет должен был бы, не вызывая в обществе подозрений, распространить доброкачественную информацию. Министр внутренних дел, которому были подчинены все губернаторы, должен был снабжать членов Комитета и сведениями о настроениях в губерниях. В случае же обнаружения преступлений, заслуживающих внимания Комитета, его членам предписывалось действовать на основании норм „Устава благочиния“. Кроме того, выражалась уверенность, что „опытность и проницание особ, составляющих Комитет, покажет им разность между маловажными и обычными слухами, кои внимания не заслуживают, и теми, которые проистекают от Злых Намерений и вредными впечатлениями угрожают“.

Таким образом, по своему замыслу „Комитет высшей полиции“ был не столько органом политического розыска, сколько органом политического контроля: он должен был не столько карать, сколько бдительно следить за настроением общества как в столице, так и во всей империи и благотворно влиять на него. Кроме всего перечисленного, в обязанность Комитету 5-го сентября вменялась забота об „отвращении недостатка и дороговизны жизненных припасов в Столице“. Нужно отметить, что борьба с дороговизной была задачей крайне актуальной: с 1805 года Россия вступила в период практически непрерывных войн, что естественно сказалось на состоянии русской финансовой системы: начался период резкого падения курса русских бумажных денег. С 1806 по 1808 год курс бумажного рубля упал, соответственно, с 78 до 48 копеек. Между тем, и сам государственный бюджет находился, мягко говоря, в расстроенном состоянии. Например, в 1807 году в бюджете Российской империи расходы превышали доход в полтора раза. Заметим, что все эти необычные, с нашей современной точки зрения, задачи Комитета вытекали из представлений о компетенции „полиции предохранительной“, о которой говорилось в уже упомянутой записке М. М. Сперанского.

На первый взгляд, Комитет выглядел довольно безобидно: лишь абзац, в тексте которого фактически санкционировалась перлюстрация, Александр I при чтении проекта задумчиво отчеркнул карандашом. Тем не менее, ни у императора, ни у его ближайшего советника не было уверенности, что общество адекватно воспримет их нововведение: память о Тайной экспедиции была еще слишком свежа. Поэтому заканчивалась записка Новосильцева следующим образом: „Само собою разумеется, что существование сего Комитета, равно и советования его по вышеуказанным предметам и сношения с полициею и Дирекцией почт, должны сохраняемы быть в совершенной тайне: дабы не возродить в обществе напрасного опасения, что предстоит какое зло, и через то не нарушить его спокойствия. А по сему для производства, по делам в Комитете производящимся не назначать особых чиновников и исправлять оные в департаменте министерства внутренних дел“. Кроме того уточнялось, что „все предписания, которые Комитет за нужное признает сделать, даются от лица того министра, до которого оное касаться будет, по вверенным управлению их делам“. Остается, однако, загадкой: как при таком характере делопроизводства должен был директор почт или обер-полицмейстер понять, сколь важный орган отдает ему распоряжение. Тем более, если это предписание могло требовать от подчиненных прямого нарушения закона, например, при осуществлении перлюстрации.

Очевидно, что проект Н. Н. Новосильцева пришелся подозрительному и ревниво относившемуся к своей самодержавной власти Александру I по душе. Очевидно хорошо знавший своего августейшего друга, Новосильцев учел все особенности его характера. Во-первых, Комитет высшей полиции был **временным** органом, учреждавшимся лишь на период отсутствия в Петербурге императора, уезжавшего в действующую армию. Во-вторых, статья восьмая „Наставления“ Комитету высшей полиции гласила: „О том, что заслуживает внимания ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА или требует ВЫСОЧАЙШЕГО разрешения, Комитет немедленно доносит ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ“. Эту статью, читая записку Новосильцева, Александр I тоже отчеркнул карандашом. Таким образом, особого высочайшего внимания удостоились лишь два положения новосильцевского проекта: одно, подчеркивавшее неизбежность монарших преро-

гатов при разрешении всех вопросов „до высшей полиции относящихся“, и второе, – санкционировавшее перлюстрацию – прямое нарушение закона. С этим фактом „законолюбивый“ Александр I, очевидно, решил все-таки примириться. Уже тогда роль перлюстрации в политическом контроле была высоко оценена. Естественно, что при предписанном „Наставлением“ Комитету 5 сентября 1805 года способе делопроизводства он не мог оставить в архивах заметные следы своей деятельности, даже если бы эта деятельность была активной. Это обстоятельство и дало, по-видимому, основание многим историкам утверждать, что Комитет высшей полиции так никогда и не приступал к работе. При ближайшем же рассмотрении вопрос не представляется столь ясным.

В 1816 году Комитет охранения общей безопасности, учрежденный взамен Комитета высшей полиции, составлял список „секретных арестантов“, содержащихся в разных губерниях Российской империи. И вот что интересно: в Суздальском Покровском женском монастыре находились две арестантки – Кузьмина и Онуфриева, „коих определением министров военных сухопутных сил, юстиции и внутренних дел (то есть состава Комитета 5 сентября 1805 года. – Ф. С.) 27 ноября 1805 года положено: за рассеивание Владимирской губернии Александровской округе в экономическом селе Нушпове скопческой ереси заключить в Суздальский женский Покровский монастырь. О перемене участи их доньне ничего неизвестно“. Сохранились и два архивных дела, в самих названиях которых содержится указание на Комитет 5 сентября 1805 года. Эти данные позволяют с уверенностью утверждать, что задуманный Новосильцевым и одобренный Александром I план межведомственной координации деятельности высшей полиции был приведен в исполнение. Вместе с тем, деятельность Комитета 5 сентября 1805 года была, очевидно, довольно вялой, если не оставила более заметных следов. К 1807 году Комитет уже полностью бездействовал, что видно из отношения военного министра, главнокомандующего в столице С. К. Вязмитинова к министру юстиции князю П. В. Лопухину. Из документа явствует, что министры-члены Комитета давно уже не собирались, да и с самой инструкцией, написанной когда-то Н. Н. Новосильцевым, министр не знал, что делать. Поэтому он, получив указ о создании Комитета охранения общей безопасности – фактического преемника Комитета высшей полиции, с радостью сдал секретную инструкцию в его архив. Так что вряд ли справедливы утверждения некоторых историков, будто „5 сентября 1805 года перед отъездом в армию, он (Александр – Ф. С.) фактически восстановил Тайную экспедицию, которая с такой помпой была упразднена в первый же месяц его царствования“. Комитет высшей полиции не являлся особым ведомством, а лишь межведомственным координационным совещанием. Его также, очевидно, не приходится равнять с Тайной экспедицией по активности деятельности. И, наконец, о применении пытки при допросах уже не могло быть и речи, да и бороться созданный в 1805 году орган высшей полиции должен был прежде всего с иностранными агентами, а не с болтунами, произносившими „предерзостные слова“ в адрес императора.

Вместе с тем внешнеполитическая напряженность нарастала день ото дня. С известием о каждом новом поражении, полученном от Наполеона, в России все больше и больше опасались французских шпионов. Правительство готово было видеть вражеского агента едва ли не в каждом пересекавшем границу иностранце. В этой обстановке исключительную важность для русского правительства приобрел политический контроль, главным образом – за иностранцами. Инициатором совершенствования системы политического контроля за иностранными подданными стал человек, имевший весьма отдаленное отношение к вопросам организации высшей полиции, – министр иностранных дел барон А. Я. Будберг. 30 сентября 1806 года, он направил отношение министру внутренних дел В. П. Кочубею, в котором доводил до него свое высочайше одобренное мнение об усилении наказаний для французских шпионов. Кратко осветив состояние отношений с Францией, Будберг предостерег об „известной системе тамошнего правительства употреблять везде лазутчиков, происки которых и доставляемые от них сведения, оно с такою деятельностью обращает к своим выгодам“. Далее министр иностранных

дел выступил с конкретными предложениями по усилению наказания для лиц, уличенных в шпионаже. „Ограничить при нынешних обстоятельствах, – писал он, – наказание людей, уличенных в таковом преступлении, только высылкой за границу мне кажется недостаточным. У злодеев, употребляемых правительством, которое не знает ничего священного и которое почитает все дозволенным, дабы успеть только в своих замыслах, должно отнять все способы быть вредными, для сего, полагал я, чтобы людей, которые изобличены будут в шпионстве или сношениях с французским правительством, наказывать впредь ссылкой в отдаленные места империи, где иметь за ними бдительнейшее наблюдение, дабы они не могли вредить пользам государственным“.

В ответном отношении министр внутренних дел отмечал, что успех работы по обезвреживанию агентов врага зависит не только от бдительности полиции, но и „большею частию от пересмотра бумаг по департаменту иностранных дел входящих“. Действительно, именно в руках Будберга сосредотачивались добытые легальными и полулегальными агентами министерства иностранных дел сведения о шпионских заданиях, полученных от наполеоновского правительства теми или иными въезжающими в Россию иностранцами. Поэтому именно от министра иностранных дел Кочубей потребовал предоставления информации о пересекающих границу шпионах. „Каждый раз, когда буду я получать от вашего высокопревосходительства о сих людях сведение, что они в шпионстве достаточно изобличены, по сыску их полицией, я буду спрашивать высочайшего назначения, куда именно их сослать признано будет нужным“.

Однако, не надеясь только на информаторов МИДа, В. П. Кочубей привел в действие все имевшиеся у него силы для борьбы с предполагаемым „нашествием“ вражеских агентов. Главными регионами, где по мнению министра внутренних дел следовало усилить бдительность полиции, были определены Петербург и приграничные губернии, включавшие в свой состав земли с польским населением. Последнее обстоятельство неудивительно: память о восстании Костюшко была еще свежа, а Наполеон весьма активно разыгрывал польскую карту в своей внешнеполитической игре. Специальные отношения были в этой связи направлены „главноуправляющему в столице“ С.К. Вязмитинову, а также виленскому военному губернатору А. М. Римскому-Корсакову и киевскому М. И. Голенищеву-Кутузову. В стереотипных отношениях, отправленных в Вильну и Киев, Кочубей выражал уверенность, что „в настоящем положении дел французское правительство не оставит ... покуситься действовать над расположением умов в приграничных польских губерниях распространением неблагоприятных нам слухов, разнесением лазутчиков и всеми способами обольщения и ложных надежд“. Посему военным губернаторам предписывалось „всеми способами городской и земской полиции“ установить надзор за подозрительными иностранцами. Соответствующие предписания были отправлены и всем гражданским губернаторам, находившимся под властью Римского-Корсакова и Голенищева-Кутузова. Министр внутренних дел особо подчеркивал, что вопрос взят на контроль императором: „В случае, есть ли бы кто из емисаров был открыт... государь император предоставил попечению вашему (то есть, военных губернаторов. – Ф. С.) не только схватить и задержать такого, но и прислать сюда“ со всеми его бумагами и другими обличительными документами. Для выполнения этой задачи специальным отношением Виленскому почт-директору А. С. Лавинскому (а, очевидно, и его киевскому коллеге) было предписано, чтобы сообщаемы были ему, господину военному губернатору, все сведения, какие ио обыкновенному наблюдению над перепискою в литовском почтамте открыться могут». Данные перлюстрации в очередной раз были востребованы для осуществления политического контроля. Таким образом, в течение октября 1806 года в действие была приведена машина политического контроля, деталями механизма которой являлись, как видим, не столько высшие полицейские структуры империи, сколько местные начальники.

Кампания возымела действие. По существовавшей тогда делопроизводственной традиции, губернаторы обязательно должны были уведомить В. П. Кочубея о получении его отно-

шений и о мерах, принятых во исполнение указаний министра. В большинстве ответных отношений гражданских губернаторов содержатся лишь уверения в служебном рвении и описание абсолютной тишины и спокойствия, царящих во вверенных их попечению губерниях. Это – малоинтересные отписки объемом не более двух рукописных страниц. Такой отпиской ограничился даже киевский военный губернатор М. И. Голенищев-Кутузов. Но нашлись среди гражданских губернаторов и исполнители, отнесшиеся со всей возможной серьезностью к предостережениям из Петербурга. Они направляли на имя министра внутренних дел настоящие сводки о настроениях в губерниях. Особо проявил себя могилевский гражданский губернатор М. М. Бакунин. 9 ноября 1806 года он направил в Петербург довольно подробную сводку, где, в числе прочего отмечал: «О разбитии прусских войск объявлено через польские варшавские газеты. Такое известие сделало некоторое влияние», но «из природных здешних обывателей склонных к каким-нибудь мечтаниям ... мало». При сборе информации Бакунин пользовался какой-то «приобретенной за пять лет пребывания в должности здешнего губернатора» собственной агентурой, о которой он писал не без некоторой гордости. Частью этой агентуры были купцы-евреи. Они располагали обширными торговыми связями в Лейпциге, Берлине и Кенигсберге. Через своих приказчиков в Германии эти коммерсанты снабжали Бакунина необходимой ему информацией из-за границы, в частности и о положении дел на театре военных действий. Правда, нужно отметить, что и сами евреи были для правительства головной болью: серьезно опасались, что они могут перейти на сторону французов, ожидая от Наполеона улучшения своего социального положения. Поэтому в своих сводках могилевский губернатор особо отмечал, что «сколько заметить можно, все зажиточные евреи привержены к России и весьма недовольны всем, случившимся в Пруссии».

Активность Бакунина не знала границ. Желая наладить у себя в губернии «полицию предохранительную», то есть распространять, борясь со слухами, «доброкачественную» информацию о ходе военных действий, могилевский губернатор писал в Вильну М. А. Римскому-Корсакову: «Лаская себя милостивым расположением Вашего Высокопревосходительства, осмеливаюсь утруждать покорнейшею моею просьбою. В следствие войны Пруссии с Франциею рассеиваются многие известия: некоторые довольно приятные, а другие совсем тому противные. По занимаемому мною месту нужно мне знать о успехах или неудачах наших союзников...». В последующем Бакунин стал своего рода «постоянным корреспондентом» МВД, сообщая, что «некоторые помещики, топя в слитки, серебряную посуду зарывают» или что один из местных дворян говорил своему арендатору: «За Польшей лучше было ... и надо Богу молиться, чтобы Польша восстановлена была». Нужно заметить, что в министерстве проявляли к этим донесениям огромное внимание. В. П. Кочубей требовал от губернатора суровых наказаний для тех людей, поступки которых, по мнению самого Бакунина, «обнаруживали более робость, нежели худое какое намерение». Кроме того, многие губернаторы в своих отношениях выражали недовольство по поводу передислокации войск, отмечая, что это вызывает нежелательные толки, не позволяет должным образом охранять местные арсеналы и даже вовсе оголяет границы империи, делая их доступными для контрабандистов. Ни один подобный «сигнал» не оставался без внимания министра внутренних дел.

В самый разгар этой «шпионской тревоги» А. Я. Будберг вновь направил отношение к В. П. Кочубею, сообщая, что «по дошедшим сюда сведениям открывается, что с некоторого времени французское правительство употребляет лазутчиками не столько природных французов, сколько уроженцев других земель, над которыми оно распространило свое влияние и известно, что в успехах сего рода наипаче отличаются испанцы и немцы, а потому и надзор в сем отношении не должно ограничивать над одними только французами». В результате на свет появился указ 28 ноября 1806 года «О высылке из России всех подданных французских». Необходимо отметить, что под французскими подданными понимались не только уроженцы Франции, не перешедшие в русское подданство, но и выходцы из завоеванных Наполеоном

Италии, Голландии, некоторых германских государств и прочих стран. Разумеется о действительной высылке всех французов без разбора из страны, буквально наводненной бежавшими от ужасов революции и войны иммигрантами, не могло быть и речи. Поэтому статья 5 указа предписывала высылать лишь тех, кто не согласится принести присягу следующего содержания: «Я, нижепоименованный, обещаюсь и клянусь перед всемогущим Богом, перед Святым Его Евангелием в том, что в продолжение настоящей с Франциею войны не буду я ни посредственно, ни не посредственно, ни с подданными Франции, ни областей ей подвластных и в указе 28 ноября поименованных, ни с областями сими иметь никакого сношения, равно и вообще с подданными тех держав, подвергаясь в противном случае не только всем тем наказаниям, которые по законам российским на нарушителей присяги и людей в измене обличенных постановлены, но и страшному Суду Божию. Во удостоверение чего целую слова и крест Спасителя моего». Принесший такую присягу регистрировался в специальной книге, согласно приложенной форме, и получал соответствующее свидетельство, позволявшее проживать в России и дальше. Для допуска к присяге от купцов требовался стаж торговли на бирже, от губернеров и учителей аттестат о добром поведении, а от прочих – объяснение: какими способами они добывают средства к существованию.

О том, какое значение придавало правительство приведению к присяге проживающих на территории империи иностранцев, свидетельствует сохранившаяся переписка министра внутренних дел с губернаторами. Каждый губернатор представлял подробнейший отчет с указанием, сколько французов проживает в губернии, когда и при каких обстоятельствах эти люди приведены к присяге. Малейшее отступление от установленных указом правил вызывало резкую реакцию центральных властей. В связи с этим не обошлось и без анекдотических случаев. Так, в Ярославской губернии, среди прочих, оказалась разбитая параличом француженка Аделаида Тюрсин. Она не могла ни писать, ни говорить, и это делало невозможным ее приведение к присяге. Губернатор донес об этом министру внутренних дел, а тот, в свою очередь, в течение длительного времени не забывал запрашивать Ярославль о состоянии здоровья «уклонявшейся» от присяги иностранки. Губернатор приставил к постели парализованной специальных чиновников, которые должны были, в случае если здоровье больной улучшится, немедленно исполнить требование указа 28 ноября. Однако Тюрсин умерла, так и не дав требуемой клятвы, о чем было составлено подробное донесение в Петербург.

В рамках идеологической обработки населения Российской империи, в целях дискредитации наполеоновского режима, 1806 года по церквям был разослан особый циркуляр Синода, который следовало зачитывать каждое воскресенье и каждый праздник после литургии. Там, в частности, говорилось: «Во времена богопротивной революции... отложился он (Наполеон. – Ф. С.) от Христианской веры. В Египте приобщился он к гонителям церкви Христовой, проповедовал алкоран Магометов, объявил себя защитником... мусульман и торжественно показывал презрение свое к Пастырям Святыя церкви Христовой. Наконец, к вящему посрамлению оной, созвал во Франции Иудейские синагоги, повелел явно воздавать раввинам их почести и установил новый великий сангедрин Еврейский... и теперь помышляет соединить Иудеев, гневом Божиим рассыпанных по всему лицу земли, и устремить их на ниспровержение церкви Христовой и (о дерзость ужасная, превосходящая меру всех злодеяний!) на провозглашение лжемессии в лице Наполеона». Это идеологическое мероприятие правительства стало своего рода «палкой о двух концах». С одной стороны, как видим, разыгрывалась беспроницаемая антисемитская карта. Но с другой, хотя авторы циркуляра не опускались до откровенного вранья, полностью лишенного опоры на реальные жизненные факты, перечень злодеяний Наполеона был так внушителен, что не приходится удивляться появлению в 1806–1812 годах самых фантастических слухов об императоре французов, иногда и весьма нежелательного для правительства содержания.

По пути межведомственной координации

Несмотря на то, что деятельность Комитета высшей полиции была далеко не активной, эксперимент в этой области, видимо, показался Александру I и Н. Н. Новосильцеву достаточно интересным для того, чтобы продолжить его. В самом начале 1807 года, когда не за горами было уже новое поражение в войне с Наполеоном, на стол Александру I легла новая записка его советника. Там излагался проект создания новой, на сей раз уже постоянно действующей, межведомственной структуры, которая должна была сосредоточить в своих руках координацию и надзор за политическим розыском во всей Российской империи. Новосильцев вновь предлагал не создавать особого ведомства политического розыска, ограничившись созданием нового межведомственного комитета. В тексте подтвержденной 2 января 1807 года записки он именуется «Комитетом охранения общей безопасности», но, в соответствии с традицией тогдашней русской бюрократии, его именовали также по дате учреждения «Комитетом 13 января 1807 года». При формировании этого комитета были исправлены некоторые недостатки, которые негативно повлияли на работу его предшественника – учрежденного 5 сентября 1805 года Комитета высшей полиции. Во-первых, новый орган должен был действовать гласно, от своего имени. Указ о его создании был официально опубликован 13 января 1807 года. Видимо, для Новосильцева уже стала очевидной мысль, высказанная позднее А. Х. Бенкендорфом: «Тайная полиция почти немыслима, честные люди боятся ее, а бездельники легко осваиваются с нею». Во-вторых, Комитет не был просто совещанием «силовых», как мы бы сегодня их называли, министров. В состав Комитета входил лишь министр юстиции князь П. В. Лопухин, в основном и осуществлявший руководство его деятельностью на первом этапе. Но кроме него в Комитет были определены два особых постоянных члена: тайные советники и сенаторы Н. Н. Новосильцев и А. С. Макаров. Первый был автором плана создания новой структуры. Второй – являлся на тот момент, наверное, лучшим специалистом в области высшей полиции.

В самом конце царствования Екатерины II А. С. Макаров стал обер-секретарем Тайной экспедиции, и занимал этот пост в течение всего павловского царствования. Интересно, что на этом посту он не стяжал себе славы отъявленного злодея. Так, известный своей желчностью генерал А. П. Ермолов характеризовал его как «благороднейшего и честнейшего человека». Такими эпитетами руководителей тайной полиции награждают редко. Еще один пример. Лифляндский пастор Зейдер в связи с хранением запрещенных Павлом I книг попал в Тайную экспедицию. Там-то и произошла его встреча с сенатором Макаровым. «Макаров человек весьма добрый и приветливый, – пишет Зейдер, – с первого взгляда я почувствовал к нему большое доверие. Он сел возле меня и ласково сообщил причину моего ареста». И хотя несчастный пастор был сослан в Сибирь, избежав телесного наказания лишь по милости палачей, даже через сибирскую ссылку он пронес чувство признательности к своему тюремщику. Кроме того, «когда нужда того потребует» в заседания Комитета должны были приглашаться министры военно-сухопутных сил, внутренних дел и главнокомандующий в столице. На практике эти сановники присутствовали в Комитете довольно часто. Поскольку в разное время эти должности занимали разные люди, а кроме того в состав совещаний особыми указами вводились и другие государственные деятели, то членами Комитета 13 января были Н. И. Салтыков, В. П. Кочубей, А. Б. Куракин, А. Д. Балашов, А. А. Аракчеев, И. И. Дмитриев и другие известные сановники. Им было доверено обеспечивать безопасность империи от вражеских агентов.

В основополагающих документах Комитета прямо указывалось на то, что основная задача нового органа «высшей полиции» борьба с французскими шпионами: «Государь император, признавая сколь много во время настоящей войны общественное спокойствие и личная безопасность каждого зависят от деятельных и благоразумных мер, какие по части высшей полиции приняты быть могут для предупреждения пагубных замыслов внешних врагов госу-

дарства и для точнейшего изыскания и открытия способов и лиц, которые могут быть ими употребляемы», учреждает настоящий Комитет. «Коварное правительство Франции, – говорилось далее, – достигая всеми средствами пагубной цели своей повсеместных разрушений и дезорганизацию (так в тексте. – Ф. С.), между прочим, как известно, покровительствует рассеянными во всех землях остаткам тайных обществ под названием иллюминатов, мартинистов и тому подобных, и через то имеет во всех европейских государствах, исключая тех зловерных людей, которые прямо на сей конец им посылаются и содержатся, и таких еще тайных сообщников, которые, так сказать, побочным образом содействуют французскому правительству...». Обрисовав такую мрачную картину тотального французского шпионажа и подрывной деятельности, Новосильцев в своем проекте предполагал, что создаваемый Комитет будет, во-первых, «предусматривать все то, что могут произвести враги государства и противодействовать их вредоносной деятельности „сообразными обстоятельствам мерами“ и, во-вторых, предписывать порядок следствия и наблюдать за производством по делам сего рода (то есть относящимся к высшей полиции. – Ф. С.)». В указе же об учреждении Комитета говорилось еще более неопределенно, что в его компетенцию входят «все дела по важным преступлениям, в коих подозреваются люди зловерные или измена противу общего спокойствия и безопасности».

Исходя из этого, Комитету охранения общей безопасности были фактически подчинены все полицейские структуры империи, которым этот орган имел право давать «нужные секретные предписания, как им поступать во всех вышеуказанных случаях (то есть отнесенных к ведению Комитета. – Ф. С.)». Санкт-Петербургский обер-полицмейстер, министр внутренних дел, получавший донесения от губернаторов и материалы перлюстрации, должны были информировать Комитет о всех «важных преступлениях». Основной задачей Комитета после получения соответствующей информации было «предписывать ... кому следует порядок, как им поступать при задержании подозреваемых людей, при изыскании соучастников и открытии всех отношений и связей преступления», надзирать за ходом следствия и проводить его ревизию, поскольку «всякая погрешность и упущение производителей (следствия. – Ф.С.) обратиться может или к притеснению невинности, или к сокрытию преступления». Но Комитет 13 января имел и следственные полномочия. Пункт шестой новосильцевской инструкции гласил: «Вообще все дела, касающиеся до измены государству и тайных заговоров противу общей безопасности, которые должны быть сохраняемы в величайшей тайне, поступают при самом их начале в сей Комитет и оным производятся».

Таким образом, 13 января 1807 года в России вновь, после упразднения Тайной экспедиции, появился особый орган политического розыска – «высшей полиции», распространявший свою деятельность на всю империю. Характерными его чертами являлись следующие особенности. Во-первых это было не ведомство, а межведомственный комитет. Во-вторых круг его полномочий, характер и способ производства дел были крайне неопределенны. В-третьих, Комитет охранения общей безопасности был, с одной стороны, следственным, а с другой – контрольно-надзорным органом. Создание Комитета приветствовали люди, придерживающиеся охранительных убеждений, такие, как, например, известный мемуарист С. П. Жихарев. Он записал в дневнике в январе 1807 года: «Между тем на сих днях учрежден особый комитет для рассмотрения дел, касающихся до нарушения общественного спокойствия. Слава Богу, пора обуздать болтовню людей неблагонамеренных; может быть иные врут и по глупости, находясь под влиянием французов; но и глупца унять должно, когда он вреден. А сверх того, не надобно забывать, что нет глупца, который бы не имел своих подражателей ... Следовательно, учреждение комитета как раз вовремя». Действительно, чем же занялся новоучрежденный орган: обезвреживанием вражеских шпионов или «болтовней людей неблагонамеренных»?

Как было показано выше, высшая полиция представлялась Александру I в то время как некая надстройка над полицией обыкновенной, призванная координировать и контролировать ее деятельность по расследованию «важных преступлений», прежде всего – шпионажа. Неуди-

вительно потому, что первым же делом, которое принял к рассмотрению Комитет 13 января 1807 года в день своего создания, стало дело «О гувернере и библиотекаре иностранце Андрее Филиберте Стадлере», заподозренном в «шпионстве» и измене присяге, о которой шла речь выше. Следствие было начато на основе полуустного доноса, по сути дела не содержавшего никакой компрометирующей Стадлера информации: все, в чем можно было упрекнуть этого иностранца, состояло в том, что жил он тихо и уединенно, а, переезжая с квартиры на квартиру, два дня подряд перевозил свои вещи поздними вечерами. Оканчивался донос следующей фразой: «Что было лично между мною и им о том имел честь донести подробно вчерашнего числа словесно». Что «донес словесно» министру юстиции князю Лопухину анонимный доброжелатель, не ясно даже из журнала заседания Комитета, но на основании этого полуустного доноса Стадлер был посажен под арест, полиция опечатала его имущество и отобрала все его бумаги, среди которых, в основном, были личные письма и документы.

Через некоторое время Стадлеру было предъявлено обвинение «в шпионстве и запрещенной переписке с неприятелем Российской империи». Никаких прямых доказательств этого преступления Комитет получить так и не смог: многократное предъявление обвиняемому опросных листов не дало желаемых результатов – Стадлер все отрицал. Единственное, что все-таки удалось доказать – факт измены Стадлером присяге, установленной указом 28 ноября 1806 года. Как стало ясно в ходе следствия, покидая свою родину, этот иностранец дал присягу на верность революционному режиму (без этого не выдавали паспорта, и было невозможно выехать за границу). Посетив Францию после ноября 1806 года Стадлер принес присягу на верность уже бонапартистскому правительству (без этого опять, как и в России, нельзя было преодолеть какие-то бюрократические формальности). Ухватившись за эту ниточку, следствие попыталось «раскрутить» Стадлера. Но, как ни пытался Комитет из первого же своего дела сделать сенсацию, – ничего не вышло. После десятимесячного следствия все отрицавший иностранец вышел на свободу, но дал подписку «что в комитете происходило, и какие объяснения были требованы, никогда никому не объявлять». Справедливости ради надо сказать, что совсем не всегда шпионы оказывались «липовыми», а пребывание под следствием в Комитете заканчивалось для подозреваемого также безоблачно, как для Стадлера. В некоторых случаях власти принимали и превентивные меры против вражеских агентов. Так, в 1807 году от заграничных агентов была получена информация, что некая француженка Дьедонне, желающая въехать в пределы империи, имеет шпионские задания от наполеоновского правительства. По поручению министра внутренних дел об этой иностранке были наведены все возможные справки. Прямых улик против нее найдено не было, но в разрешении на въезд в Россию Дьедонне все-таки отказали.

Однако не менее важной, чем борьба со шпионажем, сферой деятельности Комитета стала, по укоренившейся в России традиции, борьба с различными слухами. Причем, в отличие от Комитета высшей полиции, Комитет 13 января боролся не с распространением, а с распространителями слухов. Сбывались мечты С. П. Жихарева: болтовней занялись всерьез. Слухи могли быть самыми нелепыми, но традиционно в России правительство относилось к распространению любых политических слухов как к преступлению, вне зависимости от их содержания. Еще в 1772 году при императрице Екатерине II был издан соответствующий указ, которым и руководствовались члены Комитета. Этот указ основывался на двух ранее изданных указах по тому же вопросу в 1757 и 1763 годов. Общий смысл всех этих документов состоит в том, что (и с этим нельзя не согласиться) некомпетентные в политических вопросах простые люди «толкуют и пропускают несбыточные слухи как о нынешних военных, так и о политических делах». «И хотя таковые зловредные истолкования, – говорится далее в указе, – праведно заслуживают достойную себе казнь, яко спокойствию ее императорского величества и всеобщему вредные, но ее императорское величество... всех таковых, зараженных беспокойными мыслями, матерински увещевает удалиться от всяких вредных рассуждений... прилежа един-

ственно званию своему и препровождая время не в праздности или невежестве и буянстве, но в полезных и свойственных каждому упражнениях на пользу себя и ближнего».

Излюбленным героем разных сплетен накануне Отечественной войны был, конечно, Наполеон. Все распространители слухов о нем подпадали под действие вышеописанного указа, вне зависимости от их политической благонадежности. В этой связи характерно, например, дело 1807 года «О двух крепостных живописцах», которые обсуждали между собой военно-политическую ситуацию в Европе. К Бонапарту оба относились плохо, в его возможном вторжении в Россию видели бедствие и всячески осуждали действия французского завоевателя. Однако оба оказались в Комитете, где были допрашиваемы о том, откуда стали им известны обсуждаемые факты. В заключение, бедолаги дали подписку с обещанием впредь «быть воздержаннее» и были выпущены под надзор полиции. Целое дело явилось следствием разговора двух вполне благонадежных подданных. А что ожидало людей, отзывавшихся о Наполеоне с некоторой симпатией! Так, кучер надворного советника Тузова Алексей Корнилов пострадал за невинное вроде бы замечание, что коли придет Бонапарт, так он «своему хозяину без денег служить не будет, а коли даст денег, – так и будет»... Довольно серьезное наказание постигло торговца из Апраксина двора Михаила Шебалкина, харчевника Логина Иванова и погребщика Владимира Воротилова, обсуждавших явную нелепицу, будто «Наполеон есть побочный сын императрицы Екатерины II и идет присвоить себе корону всероссийскую по наследству после брата законно ему принадлежащую». Заметим, что появлению различных сплетен, героем которых был Наполеон, правительство невольно способствовало само. После описанных выше пропагандистских церковных чтений не приходится удивляться распространению самых фантастических слухов о французском императоре.

Однако не обходилось и без слухов сугубо «внутриполитического» свойства: традиционно наказуемых в России, так называемых, «предерзостных слов». Правда, нельзя не отметить той мягкости, с которой подходили к расследованию и наказанию таких преступлений в начале царствования Александра I. В XVIII столетии это была едва ли не самая многочисленная категория политических преступлений, пресекавшихся различными органами русского тайного розыска: тогда за самое ничтожное замечание по поводу особы императора можно было оказаться на каторге или даже на эшафоте. Нельзя сказать, что в начале царствования Александра I полиция совершенно прекратила преследование излишне «длинноязыких», но наказания за совершенные ими преступления отличались в этот период исключительной мягкостью. Еще один из дореволюционных биографов Александра I – М. И. Богданович – свидетельствовал: «В особенности же было беспредельно милосердие государя в делах об оскорблении его самого дерзкими словами». Но это было именно **милосердие**. Произнесшим «предерзостные слова» выносились жесточайшие приговоры на основании архаичных законов, царь же использовал свое право миловать таковых преступников. Так, в 1819 году царское помилование спасло, например, осужденного на основании Артикула воинского за произнесение в пьяном виде «неизвестно почему» хулы в адрес императора крестьянина Тверской губернии Ермолаева от следующего приговора: «Наказать его кнутом, дав 40 ударов, вырвать ноздри, поставить повеленные знаки и сослать в каторжную работу».

Впрочем, в александровское царствование не только император, но и органы высшей полиции проявляли большую лояльность к такого рода преступникам. Так, в 1807 году прапорщица Баскакова «подала московскому викарному архиерею письмо, в коем, рассуждая о качествах, нужных государю, и правилах, коими он, по ее мнению, следовать обязан, осмелилась предложить способы к ограничению власти монаршей в России распространением прав Синода и духовенства». Налицо – состав преступления: посягательство на полноту самодержавия, которое со времен Соборного Уложения царя Алексея Михайловича каравшееся в системе русского права жесточайшим образом. Однако после проведенного по делу этой несостоявшейся реформаторши следствия ее всего-навсего признали умалишенной, поскольку кроме

откровенных нелепиц, содержавшихся в упомянутой записке, Баскакова еще и «беспокойным нравом своим расстроила мужа своего, который от огорчения начал пить», а также жестоко обращалась с крестьянами. А посему пытавшаяся стяжать лавры государственной деятельницы прапорщица была послана в суздальский Покровский монастырь «впредь до исправления». О возможном же приходе ее в здравый ум власти в Петербурге должно было уведомить местное церковное начальство.

Если раньше узникам застенков Тайной канцелярии и экспедиции часто приходилось доказывать свою невменяемость под пыткой, то теперь о раскаленные щипцах и дыбе не могло быть и речи. Болес того, для освидетельствования сумасшедших подследственных прибегали к услугам врачей. При помощи такой медицинской экспертизы удалось, например, избежать ответственности отставному генерал-майору Миницкому. В поле зрения высшей полиции он попал как автор ложных доносов на двух своих знакомых, которых он обвинил в произнесении разных нелепостей о Новосильцеве, Кочубее и даже о самом Александре I и цесаревиче Константине Павловиче. На следствии Миницкий объяснил, что после тяжелого ранения под Аустерлицем он одержим тяжелыми припадками помешательства, которые усугубляются тяжелым материальным положением его семьи. Видимо, поэтому его периодические помутнения рассудка приобрели ярко выраженный меркантильный характер. «Особливо воображалось ему, – записано в одном из следственных документов по делу Миницкого, – что он, будучи повсюду преследуем несправедливыми оклеветаниями, лишился монаршей милости в награждении полным пенсионом», однако указывалось, что отставной генерал-майор «освобождаясь от болезни, пришел ныне в совершенный рассудок». Этот диагноз был подтвержден специально приглашенным доктором. В результате герой Аустерлица не только не понес наказания как сочинитель ложных доносов, но и получил от Александра I столь желанную полную пенсию.

У следователей александровского времени «проходили» даже довольно простые отговорки. Так, малороссийский мещанин Варламов обвинялся в том, что, присутствуя при публичном наказании плетью, сказал: «Государь не справедливо делает: нас наказывает, а других не наказывает». Однако ему удалось, отделаться лишь предупреждением «впредь быть осмотрительнее», поскольку он убедил столичных следователей, что говорил не о самом императоре, а о судьях, от имени императора выносивших приговор. Во всех перечисленных делах последнее слово оставалось за Александром I: все они, в конце концов, были переданы на высочайшее рассмотрение. Но если вышеперечисленные болтуны получили царское прощение, то была категория «предерзостных слов», произнесение которых Александр I не прощал никому. Император терпеть не мог, когда кто-то напоминал ему о судьбе его покойного отца или положительно высказывался о Наполеоне. Конечно, таких вольнодумцев не подвергали четвертованию, как это могло бы быть в былые времена, но и не прощали. В 1808 году петербургским военным губернатором был получен донос от немки служанки Ангельн на свою бывшую хозяйку генеральшу Турчанинову. Последняя будто бы «сказывала, что должна быть скоро совершенная революция ... Уверяла, что революция последует в Крещение, и только ожидают, чтоб вышел манифест, а какой не объяснила». В доказательства правоты своих слов Турчанинова говорила, что правление Александра I уже подошло к концу, «и это также точно известно, как и в конце царствования императора Павла» (!). По делу были проведены очные ставки самим сенатором А. С. Макаровым, бывшим обер-секретарем Тайной экспедиции, но они «кроме взаимной ненависти, которая простиралась до явной брани, ничего существенного к... делу принадлежащего не открыли». Вообще же скорее всего нужно предположить, что генеральша стала жертвой обычного оговора, но высочайше утвержденное решение Комитета охранения общей безопасности, проводившего следствие, было неутешительным. В приговоре отмечалось, что «произведенное по сему извету следствие и не представляет ничего такого, что бы совершенно обличало г-жу Турчанинову», но тем не менее генеральша была выслана из столицы в остзейские губернии.

Еще одной интересной чертой организации российской высшей полиции, проявившейся именно в описываемый период, стала своеобразная страусиная позиция Александра I. Зачастую, санкционируя *de facto* создание какой-либо региональной агентурной сети, мини-спецслужбы, император отказывался формализовать ее деятельность, признать ее *de jure*. Весьма характерным здесь можно считать пример Москвы. Любопытный проект организации тайной полицейской службы во второй столице Российской империи сохранился в фонде Особенной канцелярии министр полиции. История создания этого документа ясна из приложенного к делу отношения московского военного губернатора Т. И. Тутолмина к министру внутренних дел Кочубею от 4 февраля 1807 года «По возвращении моем из Санкт-Петербурга, – говорится в документе, – я принял меры к учреждению Сокровенной в Москве полиции... Но как способ заимствования надобных на издержки по сей части денег от несостояния полного по штату комплекта, подчиняясь общим порядком форме публичного отчета, покажет неизбежно путь к догадкам во вред действию полиции сокровенной, а незанятие мест полицейских сберегая на секретное употребление сумму, попрепятствует повсеместному открытому наружной полиции надзору, то и нашелся я в необходимости ... сделать примерное о полицейской секретной экспедиции положение, которое представляя у сего, Ваше Сиятельство покорнейше прошу: поднести оное на высочайшее Государя Императора Благоусмотрение, и испросить особую на сие употребление сумму».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.